

Врублевская П.В.

КРУГОВОРОТ ДЕТСКИХ ВЕЩЕЙ В ПРИХОДСКОЙ ЦЕРКВИ: К ВОПРОСУ О ЗНАЧЕНИИ ДАРООБМЕНА

Polina Vrublevskaya

CIRCULATION OF CHILDREN' ITEMS IN CHRISTIAN ORTHODOX PARISH: OBSERVATIONS TO THE GIFT EX- CHANGE THEORY

The paper examines the empirical subject on the gratuitous transfers of children's items between the parishioners of the Orthodox Church. The central question of the text is addressed to individuals' motivation to get involved in gift exchange, taking in account that the items which become gifts also do have an economic value. Turning to the anthropological theory of gift exchange and durkheimian theory of moral community, the author clarifies the importance of gift exchange for Orthodox parishioners. The analysis of empirical data reveals that during the exchange participants recreate the idea of the community through the alienation of personal possessions and transformation them into collective property. In fact, the idea of community is embodied in the common things. Hence, the author concludes that the exchange of children's items in the Orthodox parish helps to maintain solidarity of churchgoers.

Введение

Настоящий текст посвящен рассмотрению дарообмена в приходах Русской Православной Церкви (далее – РПЦ). Отправной точкой для актуализации темы послужило эмпирическое исследование, проведённое летом 2014 года в четырёх городах России¹. В ходе его реализации, помимо прочего, выявились два

¹ Научно-исследовательский проект «Жизнь в долг: социальное значение долговых практик в жизни сообществ в России», грант ПСТГУ. Официальная страница проекта: URL:[<http://socrel.pstgu.ru/grants/debt2014>]. Исследование проводилось в двух крупных: Рязань, Архангельск; и двух малых городах;

обстоятельства. Во-первых, что в среде православных прихожан распространены практики взаимного дарения; и, во-вторых, что они лежат в основе устойчивых крепких отношений между единоверцами. Оба эти обстоятельства вызывают определённое удивление у стороннего наблюдателя, поскольку изначально едва ли ожидается, что церковь, будучи местом богообщения, может служить также местом развития отношений между людьми, и тем более – через практики взаимного дарения. Как, вообще говоря, порождается дарообмен между прихожанами? Какое значение он имеет для их взаимоотношений?

Я придерживаюсь мнения, что картина, получаемая нами из интервью с прихожанами, вписывается в длительную историю изучения дарообмена в антропологической традиции (работы Марселя Мосса, Бронислава Малиновского, Жоржа Батая, Криса Грэгори, Маршалла Салинса, Аннэтты Вайнер, Дэвида Грэбера и др.). Однако обращаясь с этими эмпирическими находками к антропологам, мы оказываемся в затруднительном положении.

В первую очередь потому, что дарообмен внутри православных локальных (приходских) сообществ оригинален по своей сути.

Примечательно, что повсеместными и наиболее распространёнными предметами обмена в приходских церквях выступают *детские вещи*: одежда, коляски и проч. Таким образом, практики дарения разворачиваются внутри прихода, т.е. между православными прихожанами – вокруг детских вещей. Тут же необходимо сделать ремарку о том, что обмен детскими вещами – не единственный тип дарительных отношений, встречающихся в приходских церквях. Скорее, это частный, но наиболее частый случай.

И, на первый взгляд, детские вещи утилитарны, а не сакральны. Этот факт расходится с общим положением антропологов о том, что вещи, выступающие дарами, наделены *особой значимостью*

Касимов и Каргополь. Полевой этап в г. Каргополь (Архангельская обл.) проводился в сотрудничестве с НИУ-ВШЭ в рамках Летней социологической практики ЛЭСИ: URL: [<http://www.hse.ru/org/hse/letopraktika/>].

для участников обмена. Например, в системе «кула», описанной Брониславом Малиновским в книге «Аргонавты западной части Тихого океана» (1922), предметы обмена «не служат никаким утилитарным целям»¹. В его теории этот факт позволяет провести различие между торговлей или бартером и, собственно, дарообменом. Марсель Мосс придерживается схожего различения и считает, что, становясь подарком, любая вещь наделяется сакральным значением². Суть дара, по Моссу, заключена в его *символической* составляющей³. Однако такие заключения едва ли справедливы для предметов детского обихода.

Следующая трудность скрыта в определении сообщества. Хотя Малиновский и Мосс расходятся во взглядах на взаимоотношения обмена дарами и утилитарными предметами (бартера), сейчас для нас важны принципиально общие аспекты их теорий. Несмотря на экономическую иррациональность дарительных практик, исследователи сходятся в признании их особой роли в жизни социума; в частности, в сфере производства и хозяйства: как на индивидуальном уровне, так и на уровне сообщества. При этом оба антрополога мыслят дарообмен через призму локального сообщества. Практики, связанные с производством даров – смысловым и материальным, – а так же сам обмен фактически конституируют сообщество людей, вовлеченных в эти практики и систему обмена. Возвращаясь к объекту нашего исследования – церковному приходу, мы вынуждены признать, что он едва ли соответствует критериям, по которым антропологи определяют локальное сообщество. В реальности же, при отсутствии налаженного производства даров и установленных правил дарения, можно

¹ Малиновский Б. Аргонавты Западной части Тихого океана. – М.: РОССПЭН, 2004. с. 10.

² Болдырев И. Жорж Батай и его «экономическая теория» // Аспекты: Сб. статей по философским проблемам истории и современности: Вып. V. – М.: Современные тетради, 2008. – С. 10.

³ Мосс М. Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии. – М.: Восточная литература РАН, 1996. Глава IV.

наблюдать вполне упорядоченные практики. При этом обмен детскими вещами не охватывает абсолютно всех прихожан локальной церкви. Как минимум, участие в нём принимают люди, имеющие (малолетних) детей и, в большинстве случаев, состоящие в браке. Здесь же сделаем оговорку, что с большей вероятностью в обмен вещами вовлекаются люди с большим числом детей. Однако едва ли это позволяет провести границы сообщества, исключив из него тех, кто не вовлечён в обмен детскими вещами. Тем не менее, дальнейшее рассмотрение обмена детскими вещами, происходящего в приходских церквях, представляется важным. Прежде всего, потому что наблюдаемый феномен, хоть и вписывается в антропологическую логику дарообмена, как мы убедимся далее, всё же не может быть рассмотрен в привычном ключе ввиду того, что: 1) даром в нашем случае выступает вещь утилитарная; 2) участники дарообмена не образуют сообщество в строгом смысле.

Невозможность осмыслить детские вещи по аналогии с символическими / сакральными / не-утилитарными предметами порождает неопределённость в отношении значения такого дарообмена для её участников. Ещё сильнее изучаемый сюжет усложняет контекст, задаваемый церковным приходом: насколько принципиально, что люди, обменивающиеся детскими вещами, посещают один и тот же храм? Что, вообще говоря, обуславливает дарообмен между прихожанами? Справедливо задать и обратный вопрос: Каким образом дарообмен обуславливает их взаимоотношения?

Чтобы ответить на эти вопросы, я предлагаю обратиться к эмпирическим данным проведённого исследования.

Значение обмена детскими вещами для прихожан православной церкви

Для написания данного текста я обращаюсь к эмпирическим материалам по двум кейсам: приход в малом городе (Касимове)

и приход в крупном городе (Архангельске). С одной стороны, это материалы интервью с прихожанами и священнослужителями; с другой – дневники наблюдений моих коллег¹. Выбор конкретно этих двух кейсов обусловлен релевантностью содержания многих интервью с прихожанами интересующей проблематике. В мои цели не входит сравнительный анализ кейсов, скорее лишь демонстрация общих моментов, которые характерны для обоих приходов, несмотря на их нахождение в разных контекстах. Коротко остановимся на описании приходов, внутри которых разворачивается интересующий нас сюжет.

В Архангельске мы имеем дело с «крепким» приходом: устоявшейся общиной до 300 человек (взрослые и дети). С одной стороны, в среде прихожан есть динамика – некоторые уходят или переходят в другие приходы, но, с другой стороны, и постоянство тесного общения: дети прихожан общаются чаще при храме, чем в школе; у информантов много друзей среди прихожан, все они помогают друг другу и т.д. Настоятель прихода считается «строгим» священником (длительные богослужения – 4 часа, – и долгие исповеди), но в то же время умеет найти подход к совершенно разным людям. В церкви регулярно собирают посильные взносы на протяжении 2,5 лет, что помогает предупредить финансовые трудности. На момент проведения исследования, в храме осуществлялись ремонтные работы при участии всех прихожан: в одних случаях через пожертвования, в других – материальной (стройматериалы) или физической помощью. Также приход отличается активностью в социальной деятельности. При церкви имеется столовая для нищих и прихожан, сестричество, воскресная школа (на 80 детей), в процессе становления: православная гимназия, молодежный клуб, музыкальные группы. Ко всему прочему, здесь развита практика взаимных подарков на свадьбу, рождение детей, большие

¹ Выражаю отдельную благодарность Ивану Павлюткину и Дане Ассалауовой за доступ к уникальным отчётным материалам по полевому этапу в Архангельске и Касимове.

праздники. Помимо этого, в приходской церкви происходит обмен детскими вещами (коляски, пеленки, подгузники, одежда).

Изученный приход в городе Касимов выделяется на фоне других (в том числе, на фоне Кафедрального собора), чем и вызывает особый интерес. Основной особенностью является его «мощность» как организации. Безусловный вклад в приходское благосостояние вносит сплоченная, хоть и немногочисленная, община. Её «костяк» насчитывает порядка 15 человек, а число постоянных прихожан достигает 70 человек (по праздникам в церкви можно увидеть 200-300 человек). Приход характеризуется интенсивностью взаимодействий между прихожанами, а так же наличием специальных событий для совместного их общения. Ежемесячно при церкви организуются неформальные встречи прихожан с обсуждением церковных вопросов и коллективно организованным чаепитием. Совместно обсуждается необходимая церкви помощь на актуальном этапе, после чего под неё ищутся потенциально доступные ресурсы. Так же, по большим праздникам все постоянные прихожане собираются вместе за общим столом. Другим показателем сплоченности общины выступает взаимная помощь прихожан и священнослужителей: как вещевая и финансовая, так и консультативная (советы, рекомендации специалистов и проч.), а так же помощь в решении жилищных вопросов. «Мощность» прихода при малом числе объединённых вокруг него людей обеспечивается широкой сетью контрагентов, проще говоря – силой *«слабых связей»*. Благодаря личным усилиям, качествам и коммуникативным способностям старосты (все называют её «баба Люба») приходу удаётся устанавливать контакты с муниципалитетом, предпринимателями и людьми, не относящимися к приходу. Во многом за счёт этого, по финансовой составляющей деятельности храм оказывается в более сильном положении, нежели другие в городе.

В Касимове было опрошено всего восемь прихожан выбранного храма и его настоятель, а в Архангельске интервью проводились

с девятью людьми из прихода и также с настоятелем.

Для достижения целей, поставленных в рамках настоящей статьи, достаточно использовать часть эмпирических материалов исследовательского проекта, которая напрямую касается темы дарения детских вещей в двух приходских церквях. В этой связи я буду ссылаться на интервью с прихожанами, имеющими детей, где, так или иначе, актуализировался релевантный для нас сюжет. Важно заметить, что он появляется в интервью, как правило, по инициативе респондентов, т.е. без постановки прямого вопроса со стороны исследователя. Чаще всего он актуализируется в двух тематических связках: либо в связи с семейным бюджетом, либо – с взаимоотношениями в приходской церкви. В каждом случае обмен детскими вещами между прихожанами оказывается важным сюжетом.

Для начала остановимся на социальном значении обмена детскими вещами между православными прихожанами для них самих.

С одной стороны, люди видят в нём существенную помощь своей семье и другим, чаще многодетным, семьям:

И: Вам помогали прихожане ... вы когда-нибудь получали помощь, если так вот говорить?

Р: Безусловно, потому что я вот своих младших до школы... фактически почти не покупала одежду. Потому что всё: от маек до носков; и всякие красивые платья детские [отдавали].

(Интервью 3, г. Архангельск: женщина, замужем, 5 детей)

Ну, практически вот я детям ничего вообще из вещей не покупаю. Нам всё дают.

(Интервью 5, г. Касимов: женщина, замужем, 3 детей)

С другой стороны, именно через практики дарения люди осознают принадлежность к сообществу единоверцев:

Я увидел, что очень много детей у нас в храме, я увидел, что такой костяк, и я сразу захотел быть членом этого прихода, этой всей большой семьи. Я посмотрел, как друг к другу относятся люди, помогают, кто-то коммерсант, и знаю, даже нашим многодетным семьям, одной многодетной семье одна предпринимательница просто подарила квартиру.

(Интервью 10, г. Архангельск: мужчина, женат, 1 ребёнок)

Таким образом, обмен детскими вещами значим как для личной, т.е. семейной, жизни прихожан, так и для их религиозной жизни.

Сразу стоит отметить, что переменные, отвечающие за финансовое состояние и экономическое положение респондентов, не контролируются. Это означает, что мы не в состоянии сделать вывод о том, как тот или иной уровень дохода влияет на значимость дарообмена для конкретной семьи. И хотя логично предположить, что получение необходимых вещей даром имеет большее – экономическое – значение для людей с относительно низким уровнем дохода, в настоящей статье мы вынуждены ограничить объяснение, не вдаваясь в эти детали.

Далее нас будет интересовать именно второе социальное значение дарообмена – для религиозной жизни прихожан.

Исходя из полученных данных, я склоняюсь к тому, что обмен вещами становится одним из оснований взаимоотношений между прихожанами. Я фокусируюсь именно на детских вещах не только потому, что это наиболее распространённый вид дара, но и потому что обмен ими носит *циклический* характер. Это означает, что обмен детскими вещами не ограничивается единичным актом их отдачи и принятия; далее несомненно следует *передача*

принятого дара: либо путём возвращения, либо через новый цикл отдачи-принятия. Соответственно, в круговороте детских вещей между прихожанами, как правило, не бывает исключительно принимающих дары или исключительно отдаривающихся участников. Все они попеременно выступают как в роли дарителей, так и в роли получателей. Проиллюстрируем это.

Как уже говорилось выше, в передаче детских вещей чаще участвуют люди с относительно большим числом детей. Из этого следует, что, к примеру, детская куртка конкретного размера может циркулировать между несколькими семьями по мере необходимости в ней и оказываться в одной семье несколько раз – в случае нового рождения, а так же подрастания детей:

Вещи какие-то приносим друг другу. Нам мало — мы вам отдадим. Они носят, нам назад (постирают и) отдадут. Вот так вот мы как-то: взаимовыручка...

(Интервью 5, г. Касимов: женщина, замужем, 3 детей)

По храму у нас для младенцев все друг другу постоянно пакетами передают, по кругу ходят. <...> У вас родился — всё, нате вам пакет. Потом они. У нас могут обратно нам отдать.

(Интервью 6, г. Архангельск: мужчина, женат, 9 детей)

В этом смысле, наблюдаемый нами дарообмен соответствует антропологическому представлению о нём как об источнике постоянных отношений: «один раз в кула – всегда в кула»¹.

При всём этом не менее важно, что практики дарения в православной среде не замыкаются на одних и тех же участников. Вокруг каждого дара образуется целая сеть взаимоотношений разных людей:

¹ Малиновский Б. Аргонавты Западной части Тихого океана, с.100.

Я позвонила своей знакомой, ну, что-то мы с ней разговорились, она говорит: «Слушай, ты знаешь, мне тут вот прислали две пары осенних ботиночек, вот, возраст, там, пять лет» – она меня спрашивает: «Тебе не надо?» Я говорю: «Да нет, мне не надо, у меня всё есть». А тут вечером звонит другая знакомая, она говорит: «Слушай, ты не знаешь, у тебя нигде там не завалялась, вот, пара осенних ботиночек?» «Всё», говорю, – «подожди, сейчас перезвоню». Я созваниваюсь, всё, вот, забираем, отвозим. Нормально, все довольны.

(Интервью 17, г. Касимов: женщина, замужем, 3 детей)

Отсюда получается, что обмен детскими вещами конструирует отношения между прихожанами и по их собственным словам. Причём они сами видят в практиках дарения индикатор устойчивых взаимоотношений.

Стремления к дарению

Теперь от социального значения дарообмена для православных прихожан попробуем перейти к рассмотрению механизмов вовлечения в практики дарения.

Из уже приведённых выше фрагментов интервью обнаруживается одна любопытная особенность обмена детскими вещами: она заключена в мотивации преподнесения вещи кому-либо в дар. Два наиболее явно проявленных мотива условно можно описать как 1) помощь; 2) использование. Прежде чем высказать предположения о природе этих мотивов, осветим, как они проявляются.

Желание помочь, т.е. мотив помощи, проявляется, когда прихожане инициируют обмен, не дожидаясь при этом прямой просьбы о помощи от кого-либо. Так, логика, в которой часто

рассуждают прихожане, говоря о взаимопомощи, сводится к первичности предложения перед просьбой:

Иногда просто знаешь, что человеку нужна помощь, просто знаешь. <...> Иногда просто проще эту помощь предложить.

(Интервью 3, г. Архангельск: женщина, замужем, 5 детей)

Для осознания чужой нужды прихожанам не нужно получать эксплицитное сообщение о ней. И, далее, для того чтобы предложить помощь, которую другой человек с радостью примет, достаточно «видеть» необходимость в ней:

И: И все прихожане друг другу всегда помогали?

Р: Если видят, что нуждаешься или узнают, что нуждаешься – конечно, всегда помогут.

(Интервью 6, г. Архангельск: мужчина, женат, 9 детей)

Вот тётя Люба, наша староста, приходит и говорит: девочка, пойдите посмотрите, кому там что надо, возьмите. Вещи иногда бывают вот с этикетками, просто новые. Ну, вот, пролежали, никому не надо, или там, может быть, кто-то считает, что это не модно или ещё чего-то там...

(Интервью 5, г. Касимов: женщина, замужем, 3 детей)

Для того чтобы отдать вещь, не нужно слышать просьбу о ней, более того, не нужен даже никакой специальный повод. Так же, для того, чтобы получить вещи в дар, оказывается, совершенно не обязательно просить о них. Ниже мы постараемся объяснить,

почему признание необходимости порождает в прихожанах желание помочь, но прежде рассмотрим мотив использования в отношениях дарообмена.

Говоря о мотиве использования, я подразумеваю стремление к окончательному извлечению пользы из вещи, иными словами, её *тотальное потребление*.

Этот мотив относится к обмену детскими вещами, поскольку предметы детского обихода – не только одежда, но и, к примеру, коляски, как правило, не потребляются «до конца». Дело в том, что потребность в них конкретных людей, как правило, отпадает раньше, чем они сами по себе становятся бесполезными. Здравый смысл подсказывает очевидный выход из такого положения — это перепродажа. Однако в среде православных прихожан желание извлечь из вещи максимальную пользу ведёт к её преобразованию не в денежный эквивалент, а в *дар*:

Р: ...если [коляска] в хорошем состоянии – отдавали другим.

И: Вы еще и от себя отдавали другим семьям?!

Р: Так да, а что стоять-то? Если в хорошем состоянии вещи, а кому-то надо – отдаешь. <...> В хорошем состоянии-то вся одежда для младенцев, что он – поносил месяц, вырос тут же – всё, постирали, все чистенькое.

(Интервью 6, г. Архангельск: мужчина, женат, 9 детей)

Чего бросать хорошие вещи? <...> Кому пригодится – слава Тебе Господи. Вот и всё. Я думаю, что так: не надо выбрасывать всё.

(Интервью 28, г. Касимов: женщина, замужем, 3 взрослых детей)

*В распоряжение тебе даны какие-то блага, чтобы ты делился, так скажем, **дарил** другим, распорядился грамотно.*

(Интервью 10, г. Архангельск: мужчина, женат, 1 ребёнок)

К тому же прихожане видят ценность не только в самой вещи, но и в возможности продления срока её службы. Более того, положительно коннотируется использование вещи, которая не была приобретена за деньги, а была получена в дар:

Мы практически детям, если кто на приходе, кто с маленькими, даже практически вещей никто не покупает. Коляски передают, ползунки передают, вещи все тут же передают тебе.

(Интервью 9, г. Архангельск: мужчина, женат, 5 детей)

Какая-то жилка [у дочери] есть, одеться поприличней. <...> Хотя я практически ничего из вещей новых, это вообще редкость, когда я покупал что-то. Все вещи б/у-шные.

(Интервью 6, г. Архангельск: мужчина, женат, 9 детей)

Исходя из всего вышеизложенного, можно связать между собой два рассмотренных нами мотива вступления в дарообмен в приходской церкви. Обмен детскими вещами между прихожанами происходит из-за того, что каждый осознаёт чужую потребность в них как свою собственную. Признание общих потребностей, конкретно, в детских вещах, замещает собой необходимость просьбы, становится первичным и запускает тем самым дарообмен. Соответственно, преподнесение детских

вещей в дар вызвано вовсе не конкретными прецедентами острой, критической нужды (хотя бывает и такое¹); дарение как реализация желания помочь – постоянно и независимо от обстоятельств (просьбы и/или нужды).

Далее, движимые желанием помочь другим, прихожане не только совершают акт дарения и помощи, но и тем самым дают вещам быть тотально употреблёнными. Хотя в нарративах респондентов эксплицирован может быть лишь один из мотивов, мы имеем основания полагать, что они перетекают друг в друга. Имеется в виду, что мотив помощи может быть ответом на желание извлечь максимальную пользу из вещи, и, наоборот, осознание неокончательного использования некоторой вещи может подтолкнуть человека к превращению её в дар. Так, желание помочь другим оттеняется стремлением к тотальному потреблению, а оно, в свою очередь, трансформируется в помощь.

Можно сказать, что обмен детскими вещами запускается через признание прихожанами *всеобщей необходимости* в них. Парадоксально, но именно осознаваемая всеми общая потребность в детских вещах порождает особые практики обращения с этими вещами, по большому счёту, выходящие за пределы экономической рациональности и логики рынка.

Однако увязка наиболее явных мотивов вступления в отношения взаимного дарения всё ещё не объясняет их оснований. Почему, вообще говоря, логика дара преобладает над логикой утилитарного обмена (или продажи, или, по крайней мере, бартера) таких утилитарных вещей, как детская одежда, коляски и проч.? Отчего из желания прихожан использовать вещь «до конца» не следует желание получить за неё денежное возмещение в результате перепродажи?

¹ Когда вот эти пожары были, ой, здесь столько нанесли, <...> тогда матушка полностью была заложена, завалена просто мешками с вещами (Интервью 5, г. Касимов: женщина, замужем, 3 детей).

Солидарность и вещи сообщества

Антропологи ответили бы на только что сформулированные вопросы, апеллируя к сообществу. Ведь именно в нём задаются правила поведения и обращения с теми или иными предметами; именно сообщество порождает смысловые коннотации дарообмена и символический смысл дара. Получается, что ответ на вопрос: «Что подвигает православных прихожан к дарообмену?» – должен опираться на характеристики сообщества, к которому они все принадлежат, – его правила, символы и ритуалы. Раскрывая природу дарообмена, Малиновский и Мосс подчёркивают, что он пронизан магическими (религиозными) смыслами и ритуалами¹, которые, как мы помним, творит и воспроизводит само сообщество. Хотя идея вменить религиозные смыслы действиям православных прихожан (особенно, действий, направленных друг на друга, как в рассматриваемом нами случае) кажется заманчивой, здесь она, к сожалению, ошибочна.

Прежде всего, я отнюдь не считаю, что описываемые мною эмпирические случаи уникальны и демонстрируют собой специфику православных приходских общин. В других группах длительно взаимодействующих между собой людей (соседи, родственники и проч.) с не меньшим, должно быть, успехом можно наблюдать примерно те же практики, сопровождающиеся схожими мотивами. Вообще говоря, антропологической теорией предполагается, что, являясь сущностным феноменом социальной жизни, дарообмен ложится в основу любого сообщества.

Одновременно с этим, я не стану утверждать, что приходская община *создаётся* через практики обмена детскими вещами: у единоверцев есть основания для того, чтобы чувствовать свою общность, – по религиозным убеждениям. И дополнительная

¹ Ритуальный аспект дарения ещё больше усиливается в теории растраты («потлача») и жертвоприношения у Жоржа Батая (см.: Батай Ж. Процесс Жила де Рэ. – Kolonna Publications, 2008). См. также: Малиновский Б. Аргонавты Западной части Тихого океана; Мосс М. Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии. – М.: Восточная литература РАН, 1996.

трудность в объяснении, почему прихожане вступают в дарообмен, возникает именно поэтому. Дело в том, что общность религиозных убеждений, посещение (даже регулярное) одного и того же храма¹ не могут служить однозначным объяснением происхождения дарообмена и возникновения описанных нами мотивов.

Загвоздка заключается в невозможности описать связь между источниками православных представлений, зафиксированными, к примеру, в Священном Писании, с одной стороны, и представлениями, которыми руководствуются прихожане церкви (в любых своих действиях), – с другой. Хотя в современном мире у большинства людей есть прямой доступ к Библии и другим религиозным текстам, последние остаются открытыми для множества интерпретаций, которые, в свою очередь, подчиняются контексту прочтения (историческому, социальному, политическому). Кроме того, приобщение человека к религиозным текстам неизбежно опосредовано социальными отношениями, по меньшей мере, со священнослужителями, выступающими основными посредниками между вероучением и верующим, а так же авторитетными интерпретаторами священных текстов².

Ко всему прочему, далеко не во всех приходских церквях практики взаимного дарения присутствуют вообще и, тем реже, перерастают в полноценный дарообмен, развивая взаимоотношения прихожан. Следовательно, объяснить упорядоченные практики дарения детских вещей через влияние православного вероучения оказывается практически нереализуемой исследовательской и теоретической задачей.

¹ Даже если использовать посещение храма как критерий включения в сообщество, им одним не обойтись. В исследованиях православия для определения человека как прихожанина помимо регулярности посещения храма используются такие критерии как: частота исповеди, причастия и др. (см. Чеснокова В. Тесным путём: Процесс воцерковления населения России в конце XX века. – Академический проект, 2005).

² Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. – М.: Канон Пресс Ц, 2001. – С.39

Именно поэтому сейчас нам необходимо несколько сменить угол зрения, отстранившись от антропологии дара.

Выше мы ставили вопрос о социальном значении обмена детскими вещами для его участников и пришли к выводу о том, что он ложится в основание их взаимоотношений с единоверцами; образует между ними сеть через разнонаправленные дары. Отсюда же, можно заключить, что обмен детскими вещами способствует их сплочению, или, выражаясь в терминах Эмиля Дюркгейма, – классика социологии, столь близкого антропологам, – что дарообмен выполняет солидаризирующую функцию. И если всерьёз допустить, что православные прихожане подвижны «жаждой общности» (*hunger for community*¹), то гораздо логичнее представляется описанное нами стремление отдавать почти новые неиспользованные вещи другим – так людям удаётся завязывать и поддерживать добрые, доверительные взаимоотношения с единоверцами. Так, получается, что общая потребность – в детских вещах – оказывается хорошим поводом вступить во взаимодействия.

Однако такая схема объяснения работает только в случае, если мы априори принимаем, что принадлежность к (приходскому) сообществу – самоценна для прихожан. В подтверждение идеи о самоценности отношений между прихожанами служат выводы из других исследований. Так, Иван Забаев и Елена Пруцкова выявили, что для многих православных, активно вовлечённых в приходскую жизнь, «главное на приходе – люди»². Об этом же свидетельствуют данные опроса 2002 года в Америке, которые показывают, что чувство общины обуславливает выбор

¹ Орешина Д. Малые христианские комьюнити во второй половине XX века. // Обзор англоязычных источников по теме: Проблемы организации церковных общин. Международная практика. – М.: ПСТГУ, 2010. – С. 18 по: Lee B., Antonio W. The Catholic Experience of Small Christian Communities. – N.Y., 2000. – P. 8.

² Забаев И., Пруцкова Е. Община православного храма: пространственная локализация и факторы формирования (на примере г. Москвы) // Вестник ПСТГУ I: Богословие. Философия. – № 41. – 2012. – С. 65.

вероисповедания¹ во вторую очередь после определяющей роли самого вероучения (представлений, ценностно-нормативной системы, доктрин, догматики), обходя при этом ряд других рассматриваемых факторов.

Социолог Бенедикт Андерсон в своей теории воображаемого сообщества основной причиной приобщения к религии считает поиск «нарратива идентичности»². Иными словами, для человека важно идентифицировать себя с неким сообществом, а религия обеспечивает получение возможности говорить о себе как о представителе того, что превосходит его самого. Всё же, Андерсон понимает религиозную идентичность как не более чем один из возможных «общих образов»³, представляя которые, человек испытывает свою социальную принадлежность как реальную. Поэтому облечь своё «я» в социальную (религиозную) идентичность означает, в первую очередь, вступить в отношения с другими, а не заучить, к примеру, Символ веры. Источником нарратива идентичности становятся именно социальные отношения, и из них складывается представление человека о себе самом, – поэтому они имеют собственную ценность.

Из всего вышеизложенного надо заключить, что за выделенными мною мотивами дарообмена – помощи и использования – стоит желание принадлежности к сообществу. Оба эти мотива позволяют вступать в отношения с другими и, тем самым, получать идентификацию, буквально, *становиться значимым*.

Соглашаясь с Андерсоном, мы вновь возвращаемся к Дюркгейму, поскольку первый в своей теории основывается на концепции морального сообщества последнего. Для Дюркгейма принадлежать к сообществу означает растворение в нём: слиться

¹ Reimer S. Orthodoxy Niches: Diversity in Congregational Orthodoxy Among Three Protestant Denominations in the United States // Journal for the Scientific Study of Religion. – Vol. 50. – 2011.– P.768.

² Андерсон Б. Воображаемые сообщества, с.222.

³ Там же, с. 31.

с другими в единое целое. Такая метафорика уместна, поскольку основой солидарности и для Дюркгейма, и для Андерсона является «общий образ» или «общая идея о себе самих»¹. В свою очередь, общие представления – это не что иное, как достижение большого числа взаимодействий – прямых и опосредованных – между большим числом людей. Согласно Дюркгейму, центральное значение в воспроизводстве и выражении общих представлений имеют ритуальные практики. В этнометодологическом прочтении «Элементарных форм религиозной жизни» (1912) они превознесены ещё выше: ритуал мыслится как единственный источник и резервуар общих представлений².

Однако в случае православия обмен детскими вещами совершенно не относится к ритуальному культу – богослужебным и прочим церковным практикам. Тем не менее, он значим в поддержании взаимоотношений между прихожанами и, как мы предположили, служит для их солидаризации. Такое положение дел может означать следующее. Во-первых, что функция солидаризации лежит не только на ритуальных практиках; и, во-вторых, что православные ритуалы не достаточно справляются с этой функцией, и наблюдаемый нами феномен позволяет возместить недостаток сплоченности. В рамках настоящего текста мы не имеем возможности подробно рассмотреть функциональность ритуала³ вообще и в православии, в частности. Пожалуй, на этом мы прервём рассуждение и возвратимся к эмпирическим данным.

Теперь нам необходимо обосновать самоценность практик дарения и описать их значение для православных прихожан как сообщества.

¹ Durkheim E. The elementary forms of religious life. – The Free Press, 1995. – С. 425.

² Rawls A. Epistemology and Practice. Durkheim's The Elementary Forms of Religious Life. – Cambridge University Press, 2004.

³ Этому вопросу была посвящена магистерская диссертация автора на тему: «Основания солидарности единоверцев в теории Эмиля Дюркгейма: от ритуальных практик к актам коммуникации» (2014, МВШСЭН, РАНХиГС)₁₂₁

Справедливо сказать, что в результате преобразования в дар, вещь перестаёт кому-либо принадлежать. Вернее заключить, что детские вещи, которыми обмениваются прихожане, равно принадлежат одновременно им всем:

И опять же с теми же мешками одежды. Вот они иногда к нам возвращаются в лавку, например, и я не могу вспомнить, и тот, кто даёт, тоже не может вспомнить, вообще, кто мне это дал и кому это вернуть. И у нас эти мешки ждут следующей беременной и рожденного ребенка. Мы даже не знаем, кому это отдать. Где концы? Кто давал?

Ещё более явно отсутствие собственника в этом же интервью улавливается в следующем фрагменте:

Мы уже даже забываем, где наша одежда, а где одежда кем-то отданная. То есть мы и свою, и отданную кладем в кулёк и передаем следующей беременной.

(Интервью 3, г. Архангельск: женщина, замужем, 5 детей)

Любопытно то, что даритель вещи исчезает в её обобществлении, можно сказать, добровольно:

*Ещё я приносила там вещи от сына своего.<...>
Ну, вот я дала и даю так, например, чтобы никто не видел, зачем мне нужна эта слава. Я не для славы это делаю.*

При этом предпочтение анонимности напрямую реферирует к коллективной (религиозной, православной) идентичности:

*Вот православные дают, чтобы никто не видел,
и никто не знал.*

(Интервью 5, г. Касимов: женщина,
замужем, 3 детей)

Помимо этого, добавим, что детские вещи становятся коллективным имуществом ещё и потому, что обмен ими происходит не между двумя конкретными людьми, а, во-первых, по цепочке, и, во-вторых, между целыми семьями. В этом смысле, дарообмен в приходской церкви опять-таки схож с кольцом «кула» на Тробрианских островах, хоть в нашем случае передача даров осуществляется не в строго определённой последовательности. И, ещё раз подчеркивая, что детские вещи полезны не каким-то отдельным прихожанам, а целым православным семьям, мы можем сказать, что даже одна вещь (например, коляска) способна объединить собой большое количество людей, циркулируя между семьями.

Исчезновение собственника передаваемой вещи и её обобществление подкрепляется ещё и тем, что акт передачи часто *опосредован* церковью, а не производится из рук в руки.

Бывает так, что люди более-менее обеспеченные приносят в храм какие-то, ну, вышедшие из употребления, но в хорошем находящиеся состоянии, вещи. Это и одежда бывает, и какие-то там кровати, коляски, вот... Собственно, нам-то они не нужны как приходу, но они-то знают, что мы это распределим среди тех, кому это нужно. И люди бывают очень даже довольны...

(Интервью 25, г. Касимов: настоятель)

Отданные вещи скапливаются в специальном месте (свечная лавка, хозяйственная комната, проч.), и по мере необходимости

покидают её, чтобы спустя какое-то время вернуться обратно, а потом пуститься по новому кругу. Хотя установившиеся отношения взаимного дарения вещей могут протекать между прихожанами, уже минуя церковь, нельзя сказать, что участие каждого в обмене когда-либо прекращается: если вещь не нужна никому из уже известных получателей, её просто отнесут в церковь.

*Бывает так, что и новые совершенно, то есть люди приносят вещи для того чтобы (мы) поделились с теми, у кого их нет. Такой вот, социальный вот этот момент, он **постоянен**.*

(Интервью 25, г. Касимов: настоятель)

Непрерывность обмена логически вытекает из самой его природы: выше мы продемон-стрировали, что механизмом его запуска выступает предложение: стремление помочь, а не просьба о помощи; т.е. предложение не зависит от нужды и, вообще говоря, оно постоянно. По-видимому, из-за этого постоянной представляется прихожанам и необходимость в детских вещах, даже если она никем не эксплицируется и ни от кого ни исходит. Именно поэтому рассматриваемый феномен следует считать оксюмороном: обмен утилитарными вещами воспроизводится не ради извлечения экономической выгоды в удачном стечении обстоятельств, а как иррациональный по своей сути и самодостаточный по значимости обмен дарами.

Так же, как невидим одариваемый, даритель, ввиду длинной цепочки передаривания – анонимен. В предельном понимании, свои вещи прихожане преподносят сообществу, и от него же получают ответные дары. Такая растворённость индивидуального в коллективном притупляет страх полной растраты: каждый уверен в том, что на его жертву в нужный момент сообщество преподнесёт ответный подарок. Очевидно, что эта уверенность

превосходит ожидание реципрокного обмена, поскольку речь идёт не о диадических отношениях с двумя постоянными контрагентами, а об отношениях индивида и необъятного *воображаемого* сообщества. Более того, из заключения о том, что стремление прихожан извлечь максимальную пользу из вещи приводит к превращению вещи в дар, следует, что субъектом тотального потребления этой вещи является уже не конкретный её получатель, а *сообщество в целом*, поскольку цепочка передачи одной вещи может быть длинной и запутанной.

В рассуждении о дарообмене мы аналитически создаём сообщество, придавая ему образ неиссякаемого мешка с детскими вещами; образ вечной коляски. Выходит, что «общий образ», с которым могут себя идентифицировать люди, это не обязательно набор описательных характеристик или нормативных правил: «не убей, не укради...», но также нечто материальное и даже осязаемое, при этом не иначе как *общее*. Это означает, что социальную принадлежность можно отождествить с доступом к так называемым «вещам сообщества» при условии периодического вложения в общий мешок. Отчуждение личных предметов пользования становится не только коллективным благом, но и разделяемым представлением о благом: «*в распоряжение тебе даны какие-то блага, чтобы ты делился...*» (Интервью 10, г. Архангельск: мужчина, женат, 1 ребёнок). Соответственно, между практической стороной отношений, и, конкретно, материальной составляющей взаимного обмена – с одной стороны, и идеей сообщества – с другой, прослеживается достаточно крепкая связь. Фактически, по появлению мешка с общими вещами, собственника которых невозможно и не нужно знать, вполне можно судить о формировании сообщества.

Заключение

Изначально наше внимание привлекло нетривиальное обращение с утилитарными – детскими – вещами в среде

православных прихожан, парадоксальным образом напоминающее дарообмен. Погрузившись в материалы нарративных интервью, где тема вещевого обмена была развёрнута наиболее полно, мы пришли к некоторым заключениям о его социальной природе и значении для приходского сообщества.

Судя по всему, дарообмен в православной среде не отличается от феномена, изучению которого посвятили свои труды антропологи. Однако наш эмпирический пример, где дарение выступает предпочитаемой альтернативой продаже (или бартеру), вынуждает задуматься о расширении существующей теории дара. Антропологическая перспектива создаёт впечатление, что дарообмен – это, прежде всего, символическое отношение; а рассуждать о даре следует в плоскости его смыслового содержания. Однако в случае, когда даром является утилитарная вещь, значение всей системы обмена требует переосмысления.

Мы установили, что участие в утилитарном дарообмене (позволим себе такой оксюморон) – это способ поддержания отношений с большим числом людей, включения в сообщество. Детские вещи оказываются чрезвычайно сильным социальным клеем из-за того, что прихожане, среди которых много членов многодетных семей, испытывают неизменную необходимость в них. Однако недостаточно сказать, что коллективное пользование детскими вещами призвано снизить затраты каждого человека (или семьи) на их приобретение, или продлить жизнь вещей (что также мыслится как благо, воспроизводящееся через обмен). Подоплёкой к дарообмену является желание ощутить общность с другими людьми. В практиках взаимного дарения мы видим механизмы поддержания солидарности между людьми и именно эту позицию постарались обосновать в настоящей статье.

Круговорот детских вещей в приходской церкви, в действительности, конструирует сеть взаимоотношений. Череда отчуждений утилитарных вещей в практиках дарения делает их вещами, не помнящими своих владельцев. Благодаря этому

в представлениях самих участников дарообмена возникает некий обобщённый образ дарителя, щедрого на подарки. Этим дарителем и, в пределе, конечным получателем является сообщество. Наличие коллективного имущества внушает незнакомым и малознакомым людям, посещающим одну и ту же церковь (безразлично, с какой регулярностью) желанное чувство общности. Таким образом, можно сказать, что солидарность прихожан основывается на совместном осознании своих потребностей как всеобщих и на удовлетворении их сообща. В конце концов, получается, что православные прихожане определяются не только по тому, что знают Символ Веры и ходят к причастию, но и по своей готовности дарить другим вещи, необходимые и полезные им самим – с одной стороны, и, с другой стороны, принимать чужие вещи в дар. Таким образом, дарообмен в православной среде раскрывает саму суть сообщества по Дюркгейму – его моральную (религиозную) силу.